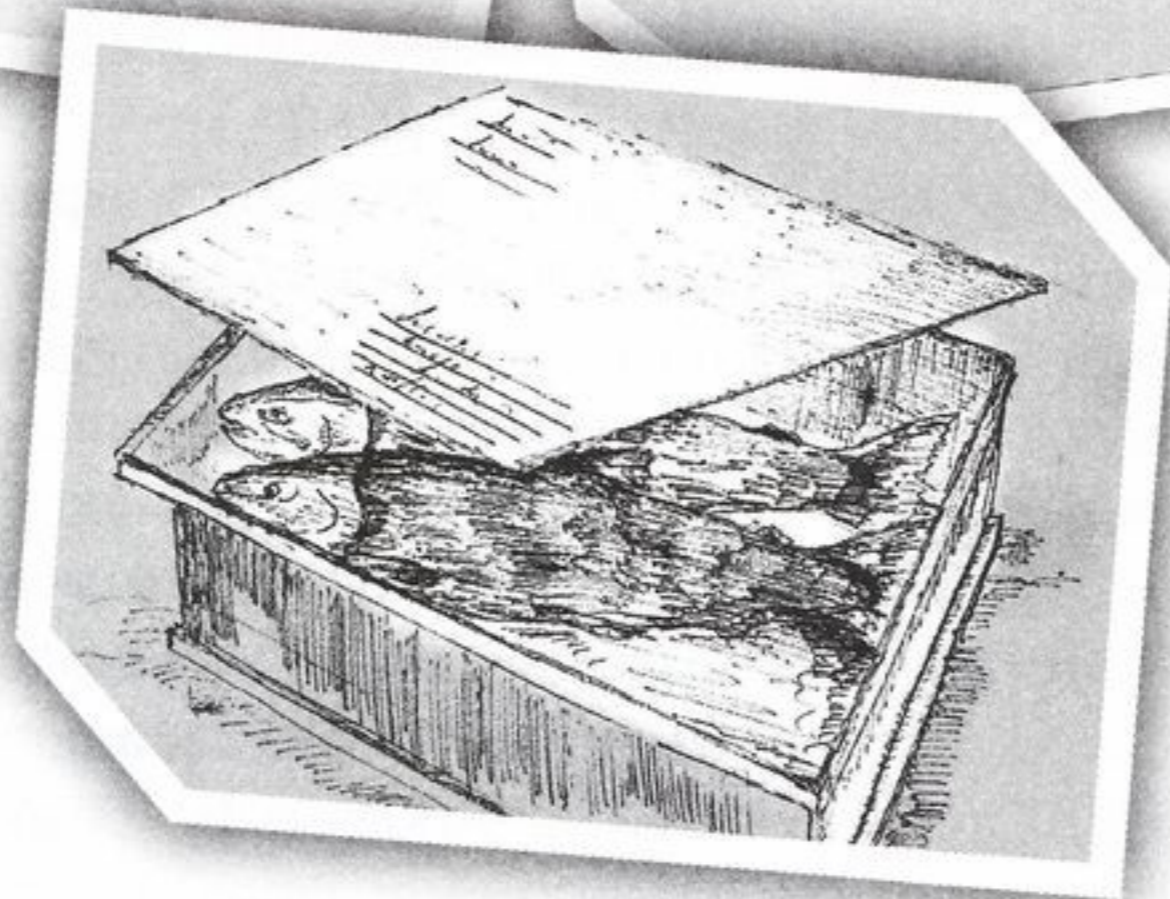

Послевоенные будни

Посылка

Осенью отец привёз красной рыбы из города, где когда-то учился на фельдшера. Там текут две большие дальневосточные реки Амур и Зея, в которых эта рыба в те годы ещё водилась.

Егорушка сколько ни смотрел, никак не мог понять, почему она так называется. Рыбины были большими, серыми, с крупной серебристой чешуёй. Но отчего именно красная? Понял он это тогда, когда отец взял нож и принялся за разделку.

Для начала отец вспорол брюшко самой толстой рыбины. Оттуда вынул два длинных мешочка, набитых красноватыми шариками.

— Икра! — сказал отец и отдал мешочки матери, которая выпотрошила их в миску. Получилась каша не каша, но очень симпатичное блюдо.

Мать взяла вилку, покрутила ею в миске и вынула плёночки, на которых икра держалась. Потом посыпала чистую икру крупной солью и накрыла марлей.

Тем временем отец вычистил рыбину от остальных внутренностей и полоснул ножом вдоль хребтины. Из-под лезвия показалась алая мякоть.

Мать приняла рыбину и натёрла солью. На срезе рыбьего брюшка розоватое мясо источало слезинки жира.

Только теперь Егорушка убедился, что рыба и правда красная.

— Эта рыба называется кета, — пояснил отец. — А ещё есть горбуша, сима, чавыча. Они из моря идут на нерест в холодные речки. Мечут вот эту самую икру.

Он указал на миску.

— Вообще-то, по науке — это всё лосось. Ну а в народе за цвет мяса лосося прозвали красной рыбой. Чавыча — так та даже тёмно-красная. Но она сюда не поднимается, её в низовьях Амура перехватывают начисто. Скоро и кеты не увидим. В войну рыбалка сократилась, а сейчас мужики вернулись с фронта, аппетит у всех зверский. Вот такие пироги...

При чём тут пироги, Егорушка не понял. Но насчёт цвета рыбы уяснил.

Разделанную рыбу и икру отнесли в кладовку и поставили повыше на полку, чтобы мыши не добрались.

Через несколько дней отец принёс домой фанерный ящичек. Сходя в кладовку, он сказал:

— Усолилась.

Дальше пошла работа, в которой пригодилось и Егорушкино участие.

Первым делом внутри ящичка отец настелил на дно газеты. Мать принесла баночку, в которую наложила икры. Отец обернул стеклянную посудинку чистой тряпицей и поставил в угол ящичка. Сбоку придвинул несколько банок с консервами. Егорушка знал, что это тушёнка. На этикетках была нарисована рогатая коровья голова. Когда мать заправляла тушёнкой отварную картошку, по всему дому распространялся аппетитный аромат. У Егорушки потекли слюнки при виде банок.

— На, попробуй, — протянула мать ломтик хлеба, покрытый икрой, оставшейся на их долю.

Долго упрашивать сына не пришлось. Слабосолёное лакомство приятно наполнило рот, и Егорушка не заметил, как проглотил первый в своей жизни бутерброд с красной икрой.

— Жуй, паря! Наминай! — подбодрил отец. — Расти большой, не будь лапшой!

Отец всегда шутил непонятно. Давеча про пироги сказал, теперь лапшу вот упомянул. А сам рыбой занимается.

Оставшееся место в ящичке родители заполнили солёной кетой, укутанной в холщовую материю. Затем накрыли продукты другими газетами. Сверху отец положил листок бумаги. Это было его письмо на свою родину — Украину.

Егорка знал, что столица там — Киев, и даже мог показать на карте кружок, обозначающий этот город. Совсем недавно он научился читать и название. А чего, всего-то четыре буквы, которые видел в книжке с рисованной азбукой. «К» — это конь наподобие Гнедка. «И» обозначалась иголкой с ниткой. Возле буквы «Е» стояла зелёная ель. Ну а варежка, понятное дело, буква «В».

Дальше отец приладил крышку на ящик и принялся забивать молотком гвоздики.

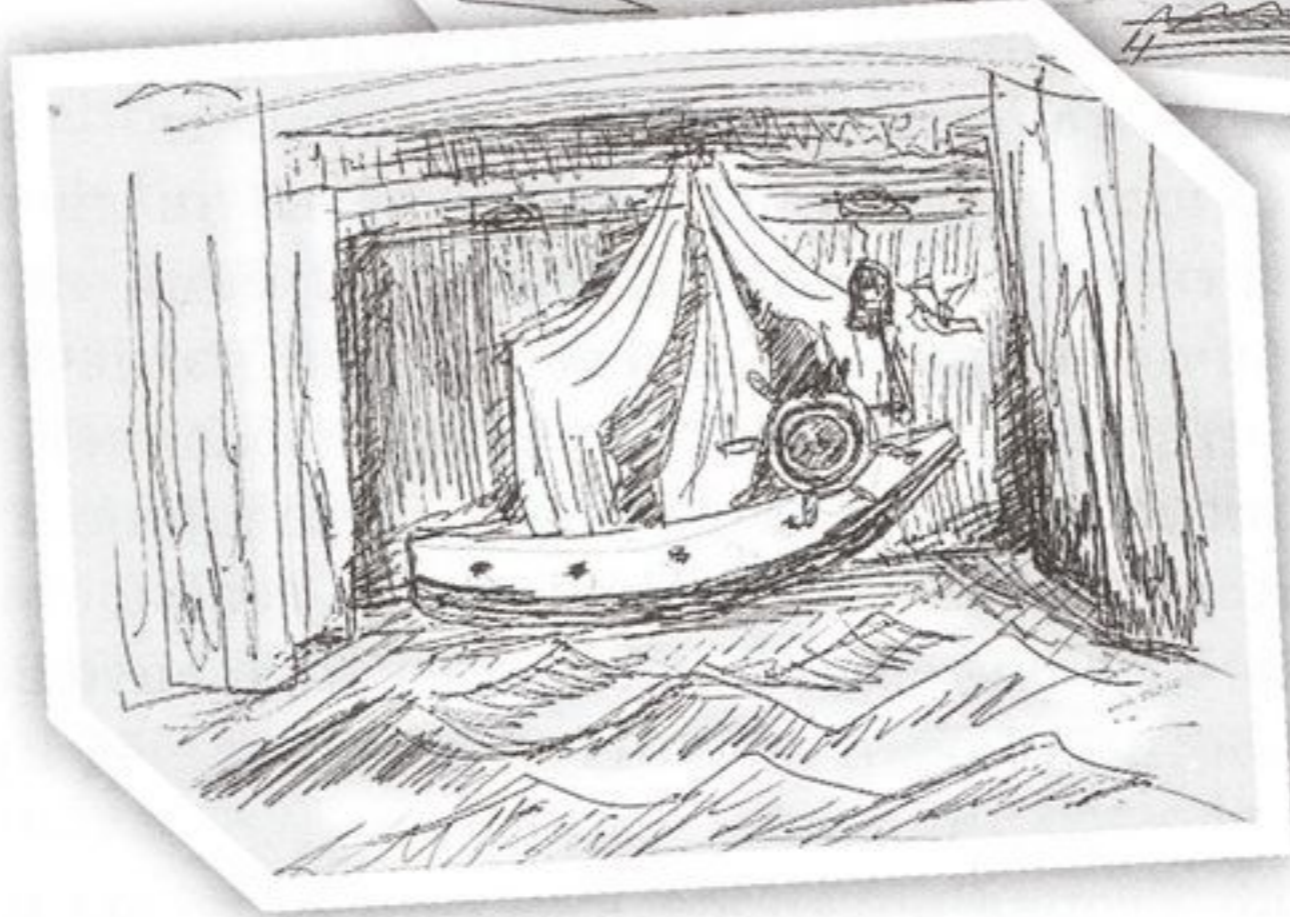
Выходило это у него так ловко, что сыну тоже захотелось попробовать.

— Дай мне! — протянул руку Егорка.

Отец усмехнулся, глядя на помощника.

— Действуй! Только смотри пальцы не прибей.

Волга-матушка

Город священной горы

События детства случаются порой совершенно непонятно. Куда-то едешь, с кем-то знакомишься, одно теряешь, другое находишь. Поди разберись!

Между тем судьба каждого человека, начиная от самого рождения, тесно переплетена с судьбами людей, его окружавших. И если что-нибудь хотите понять в себе, когда наступает пора осмыслить прошлое, постарайтесь прежде всего понять других. Без этого станете подобны воздушному шарик, отпущенному в небо. Любой, самый малейший ветерок унесёт вас так далеко, что ни словом сказать, ни пером описать, как говорится в русских сказках.

Был в жизни Егорки период, который существовал для мальчика просто как данность, без понимания сути происходящего. И только в пору взросления возникли вопросы, которые он вначале стеснялся задавать знающим людям. Затем и времени не стало что-либо выяснять. Учёба в школе, студенчество, армейская служба, семья, журналистская работа, спортивные увлечения, литературное творчество. Да мало ли оправданий для того, чтобы мчаться, не оглядываясь назад!

Наконец настало время. То ли возраст подошёл, то ли захотелось для полноты картины найти и поставить на скрижалях ту самую пресловутую точку над «и». Хвать-похватъ — а спросить-то и не у кого. Ушли люди в безвозвратность, ни дневников, ни иных свидетельств не оставили. Письма мы сами не берегли и растеряли. Из личных архивов на свет божий извлечётся иногда такая малость, что только новых вопросов добавляет. Какая-нибудь дореволюционная баночка из-под чая, сахарница кондитерской фабрики Абрикосова тысяча восемьсот девяносто какого-то года. Или вилка с полустёртым клеймом изготовителя и сточенными до неровности зубьями — да и та в свой черёд куда-нибудь денется.

В Ульяновске Егорка очутился вместе с матерью и бабушкой Марией. С берегов Амура и Зеи привели их пути-дорожки на берега Волги и Свияги. На то они и берега, чтобы беречь русла наших судеб, направлять основное течение туда, куда надо.

Через пару лет после окончания войны исполнилось Марии полвека. Что такое пятьдесят лет в женской судьбе? Об этом в короткой новелле не расскажешь. Эпопею надо создавать, историческое полотно.

К этой поре выдала Мария всех дочерей замуж, дождалась первого внука, а за ним и ещё пошли. Кочевала от одной колыбельки к другой. Стряпала и стирала, мыла полы и огородничала. Успевала порой устроиться и на работу, зашибить копеечку в семейный бюджет.

Многому научилась в жизни, и прежде всего предприимчивости, умению цепляться за любой шанс. Стала неплохим психологом, быстро сходилась с людьми. Главным заветом детям и внукам припасла народную мудрость: «Не имей сто рублей, а имей сто друзей».

Забегая вперёд, скажем лишь, что в невероятной круговерти испытаний дожила Мария без малого до девяноста лет. Тут не только про «тёртый калач» вспомнишь, но и про «одного битого» помянешь. Всякое лыко в строку встанет.

Из Находки, где оставила младших дочерей с их семьями, кинулась Мария в Сосновку к старшей. И завела зятю Даниилу прежнюю песню: сколько можно в деревне прозябать? Понимаю, партийный человек, дисциплина у вас. Но больницу ты уже построил, кадры укрепил. Районное здравоохранение и без тебя проживёт. Пора в город перебираться.

При этих разговорах Егорка не присутствовал, понятное дело. Кончилась агитация за лучшую жизнь тем, что собрали женщины вещички, захватили с собой пятилетнего отпрыска и укатили на запад. Стучали вагонные колёса свою давнюю песню: «Ку-да? Ку-да? Ту-да! Ту-да! Во-да, во-да? Ну да! Ну да!» От великих дальневосточных рек — к Волге-матушке.

Почему Ульяновск? Рискнём предположить, что не с бухты-бархты выбрала его бывалая путешественница Мария. В войну из Москвы в этот город эвакуировали многие заводы, в том числе автомобильный и авиационный. Возможно, кто-то из столичных знакомых позвал Марию: работа, мол, есть, жильём обеспечивают, внук в садик пойдёт, через год в городскую школу поступит. Нине с её природным талантом артистки найдётся место если и не в театре, то в каком-нибудь культурном учреждении. Есть вакансия методиста в областном Доме народного творчества — самодеятельными театральными коллективами займётся.

Вот с такими ожиданиями прибыли путешественники в город Ульяновск, бывший Симбирск. Вроде Сибирь за Уралом осталась,

а созвучие в названиях есть, родство некое. Хотя учёный народ утверждает, что Сибирь тут ни при чём. Есть много вариантов расшифровки изначального имени города — Синбирск. Но согласно одной из версий, оно происходит от монгольского «сyum-бюр», что означает «священная гора». Здесь, на горе, русскими был когда-то заложен город-крепость. С высоты ста двадцати метров открывается панорама обширной волжской поймы. Дух воспаряет к небесам, на которых любят обитать боги всех народов и религий. По-русски гору называли Венец.

Позже Синбирск стали звать Симбирском. А в 1924 году переименовали в Ульяновск. Всё-таки Володя Ульянов — самый знаменитый уроженец города.

До создания Жигулёвского моря, питающего гидростанцию, оставалось ещё около десяти лет. Но планы грядущей стройки загодя волновали ульяновцев. Вот почему город принял радушно новых жителей. Обыкнутся, укоренятся, начнут приносить пользу. А Егорка станет со временем авиаинженером или конструктором автомобилей.

Городу было неизвестно, что где-то на Дальнем Востоке остался мыкаться Егоркин отец. Поживёт-поживёт без жены и сына, соскучится и приедет. И ему место найдётся. Послевоенная разруха требует сильных мужских рук.

Без любимой семьи один долго не проживёшь.

Дом над Свягой

Слева от Егоркиного дома — речка Свяга. Справа, подальше — Волга. Это если идти от центра Ульяновска вверх по холму на самый Венец. Дом двухэтажный, деревянный. Почернел от дождей, прожарился солнцем, продут ветром и видится этаким глыбой среди избёнок, облепивших обе стороны улицы.

Егорка живёт с мамой и бабушкой на первом этаже, у входа со двора. С улицы подъезд заколочен и завален изнутри разным хламом. Комната узкая, с единственным окном, смотрящим на дорогу. В тесноте разместились бабушкина и мамина кровати, платяной шкаф, стол и три стула. У Егорки кровати нет, спит на сундуке, к которому ночью приставляют стул. Пятилетняя мальчишка уже не помещается с ногами на хранилище бабушкиных вещей.

В доме довольно много разного народа. Особенно интересен дядя Адик. К нему Егорка ходит рассматривать журналы. Книжки неин-

тересные, в них сплошные цифры — то громоздятся столбиками, то на каких-то чёрточках и линеечках растягиваются во всю ширину страницы. Адик учится в институте, пишет по вечерам в тетрадке свои задачки. Порой двигает особой линейкой с прозрачным окошечком, перечёркнутым чёрной полоской.

Журналы разные, но самый интересный из них «Крокодил». Во-первых, цветной, во-вторых, рисунки смешные. То крокодил поддевает на вилы пузатого дядьку с длинной сигарой в зубах. То какие-то человечки ночью при звёздах и луне тащат на спинах мешки, из которых сыплется зерно. Понятное дело — воришки расхищают народное добро.

Врезалась в глаза картинка, да так и осталась осколочком в калейдоскопе памяти. Две конуры, к ним прикованы цепями кривоногие собаки. Между ними тазик с костями. Пасти у собак оскаленные, морды окровавленные. На одной пилотка, другая в военной фуражке. А на ребристых, поросших клочковатой шерстью боках написаны имена — Франко и Тито.

— Сторожевые псы империализма, — пояснил Адик.

— А кости?

— Человеческие. Это карикатура на врагов эс-эс-эс-эр.

На стенке рядом с кроватью висит фотоснимок. Плечистый юноша в белых брюках делает стойку на кольцах, свисающих с потолка.

— Это кто? — интересуется гость.

— Да так, гимнаст один довоенный... — помедлив, отвечает Адик. — Чемпион города. Десятиклассник...

Скосив голову, Егорка рассматривает лицо гимнаста. Потом смотрит на дядю и догадывается:

— Это ты? А как же...

Он смотрит на левую руку Адика. Кисти на руке нет. И левый глаз глядит прямо, не мигая, отблёскивая неживым стеклом.

— Видишь ли, дружок, это всё война, будь она проклята!

— Расскажи, — шепчет потрясённый малец.

Адик медлит, словно боится прикоснуться к открытой ране.

— Я разведчиком был... Возвращался с задания, наткнулся на мину. Хорошо, что полз на пузе, руками ширял впереди. Если бы в рост рвануло, ты бы меня не видел. А так, считай, повезло. Правой рукой писать могу. Читаю и одним правым глазом неплохо.

— Тебя кто спас?

— А вон он, мой спаситель, — дядя Адик кивает в сторону стоящей в дальнем углу комнаты кровати за ширмой.